

я взял кучером другого человека, который мне служит,—садовника. Вот,—говорит,—мы поехали, вдруг кучер испугался и кричит мне: «Барин, барин, лошади несут». Тогда я смотрю, а лошадь обернула голову, смотрит на меня и смеется. Так,—говорит,—лошади показалось смешно, что ее кучер испугался.

И действительно, как они могли понести, когда еле-еле ноги тащили?

У этого Меринга была странная болезнь, от которой он и умер. Про свою болезнь он сам говорил, что это так называемая «слоновая нога». Заключалась она в том, что нога все время пухла и пухла и наконец сделалась гораздо толще самого Меринга. Между тем, по мере того как нога эта пухла, сам Меринг постоянно худел. За несколько дней до своей смерти, лежа в постели, он описывал мне эту болезнь самым хладнокровным образом, как будто бы был даже доволен, что сумел так хорошо ее определить, и предвещал, что ему остается жить только несколько дней.

Другим медицинским светилом был профессор Караваев—хирург. Он по тому времени считался отличным хирургом и также имел большую практику во всем Юго-Западном крае. Караваев был профессором хирургии в Киеве в то время, когда попечителем Киевского учебного округа был известный хирург, знаменитый деятель Пирогов, который признавал за Караваевым как за хирургом большую авторитетность.

Караваев был известен также и за границей. Я не знаю, как это случилось, так как подробностями я не интересовался и никого не расспрашивал, но он был вызван в Париж для снятия катаракты у кого-то из семьи императора Наполеона III.

В Киевском университете был еще один довольно известный профессор-хирург Поббенет. Этот Поббенет—дядя известной актрисы Яворской, которая замужем за князем Бярятинским.

Отец Яворской, т. е. брат этого профессора Поббенета, был киевским полицеймейстером.

Профессор Поббенет, как говорят, был недурным хирургом и во время Севастопольской войны принес очень много пользы; он много делал операций, и, говорят, довольно удачных. Но он был человек невероятной немецкой глупости. Известно, что немецкая глупость есть глупость особого рода. По-немецки можно быть глупым и одновременно довольно дельным человеком и довольно умным в сфере той специальности, которой немец себя посвящает.

Когда император Александр II после вступления на престол как-то раз был в Киеве и заехал в университет, то ему представляли профессоров; в числе других профессоров представлен ему был и Поббенет. Тогда император Александр II, который всех звал на «ты», говорит ему: «Ты брат здешнего полицеймейстера?» Поббенет страшно обиделся и сказал императору: «Ваше императорское величество, не я его брат, а он мой брат». Государь очень смеялся, но ничего ему на это не ответил.

В то время ректором университета был профессор Ренненкамф; пост этот он занял после Бунге. Ренненкамф был профессором философии, права и международного права и в научном мире представлял собой известную величину.

Кроме упомянутых мною лиц среди киевских профессоров того времени были еще и другие довольно известные профессора. Во всяком случае в те времена в Киеве было гораздо больше известных научных имен, нежели в настоящее время. Профессора, которые в настоящее время считаются наилучшими в Киеве, все старики, которые в те времена были молодыми людьми.

В Киеве в то время часто бывали беспорядки. И вот раз случился такой казус. Когда я был там управляющим Юго-Западными железными дорогами, генерал-губернатором был Дрентельн. И вот как-то раз приезжает к Дрентельну какой-то профессор и говорит, что студенты бунтуют, что они хотят осадить квартиру ректора.

Дрентельн сел в экипаж и со своим адъютантом Треповым поехал к Ренненкамфу. (Этот Трепов был старшим сыном бывшего при Александре II очень могущественного градоначальника Петербурга и старшим братом генерала Трепова, известного дворцового коменданта, в некотором роде диктатора в России в 1904—1905 гг.; бывший адъютант Трепов ныне состоит киевским генерал-губернатором.) Когда Дрентельн приехал к Ренненкамфу, ему сказали, что Ренненкамф находится у себя в кабинете. Дрентельн пошел к Ренненкамфу в кабинет, а его адъютант Трепов остался в соседней комнате. В это время в этой же комнате находился профессор Субботин (он был профессором чуть ли не судебной медицины). Субботин был человеком среднего ума и вообще ничего особенного собою не представлял. И вот в то время, когда Дрентельн находился у ректора, этот Субботин как-то резко выразился о Дрентельне, тогда Трепов не нашел ничего более уместного, как подойти к этому Субботину и дать ему пощечину²⁰.

Впоследствии этот Трепов был помощником начальника Уральской области, вятским губернатором; наконец, во время японской войны он был начальником санитарной части действующей армии, затем сделался членом Государственного совета, а теперь занимает пост генерал-губернатора. Человек он очень недурной, порядочный, но весьма ограниченный. Пожалуй, из всех Треповых он—самый ограниченный.

В то время как я жил в Киеве, среди евреев, которых тогда там жило довольно большое количество, главным был Бродский. Это был на вид очень почтенный старик, напоминавший собою по наружности библейского патриарха; вообще наружность его была совсем не еврейская. Он был чрезвычайно богат и нажил главным образом тем, что имел много сахарных заводов и имений, связанных с этими заводами. Можно сказать, что он был одним из самых главных капиталистов всего Юго-Западного

Витте, Восточник
Graf Sergej Juljewitsch Witte. Erinnerungen. M. 1993

Moskau 1993.

Генерал-адмиралом был великий князь Алексей, и, конечно, Чихачев во многом действовал в соответствии с его желаниями. Великий князь Алексей Александрович был любимым братом Александра III, поэтому он имел большое влияние. Человек он был во всех отношениях достойный и прекрасный, но человек, который своих собственных государственных идей и вообще серьезных идей не имел. Он был скорее склонен к личной удобной, приятной жизни, нежели к жизни государственной. Он имел тот недостаток, что не был женат, а поэтому всегда находился под влиянием той дамы, с которой он в данное время жил. Может быть, со временем я буду иметь случай рассказать различные эпизоды, бывшие перед последней, японской, войной, в которых великий князь Алексей выказал крайнюю свою слабость в смысле предупреждения этой войны, хотя он сознавал, что война эта принесет нам скорее беду, нежели пользу.

Министром народного просвещения был граф Делянов; он был из армян. Он состоял товарищем министра народного просвещения, когда этот пост занимал граф Толстой, поэтому, когда граф Толстой сделался министром внутренних дел, то он провел графа Делянова в министры народного просвещения вместо барона Николаи, который заменял графа Толстого (как министр народного просвещения). Граф Делянов был очень милый, добрый человек, и вопросы министерства народного просвещения вообще ему были не чужды. Он был человек культурный, образованный, но в полном смысле слова хороший, добрый и хитрый «армяшка». Он никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время было преобладающим, а именно направления графа Дмитрия Толстого. Вообще он лавировал на все стороны. Но я должен сказать, что тем не менее он умел поддерживать некоторый порядок в высших учебных заведениях; по крайней мере при нем не было таких резких несообразных вещей, какие делались впоследствии, в особенности в последние пять лет.

Начальником комиссии прошений был генерал-адъютант Рихтер. Человек во всех отношениях достойный, порядочный, образованный, культурный, но в государственной жизни не игравший особенной роли. Что касается влияния на государя, то я думаю, что он его имел, хотя Рихтер умел себя держать так, что влияние его никогда ничем не выражалось.

Главным начальником канцелярии его величества был Константин Карлович Ренненкамф, а после его сменил Александр Сергеевич Танеев, который и теперь состоит главным начальником канцелярии. А. С. Танеев заменил Ренненкамфа потому, что отец Танеева был начальником канцелярии государя императора перед К. К. Ренненкамфом, который был у него помощником; следовательно, это место досталось А. С. Танееву как бы по наследству. Танеева-отца я не знал. Говорят, что он был очень умный, дельный человек, чего нельзя сказать про его сына, у которого единственное достоинство, что он — ничто.

Министром земледелия, или, как звали в то время, министром государственных имуществ, был Михаил Николаевич Островский. Он был человек умный, образованный, человек культурный в русском смысле, но не в смысле иностранном, не в смысле заграничном. О земледелии он не имел никакого понятия (прежде чем получить это место, он был товарищем государственного контролера, государственный контроль он знал очень хорошо). М. Н. Островский имел некоторое влияние на императора Александра III благодаря своему уму или, вернее говоря, благодаря здравому рассудку, определенности и политической твердости характера. Направления он был весьма консервативного.

Товарищем его был очень почтенный человек — Вишняков, который всю свою карьеру сделал в министерстве государственных имуществ, т. е. в министерстве земледелия; но и Вишняков также никогда ни практически, ни теоретически земледелием не занимался. Это обстоятельство и дало повод Александру Аггеевичу Абазе как-то раз сказать, что «министр земледелия и его товарищ никогда в своей жизни не видели полей, а видели только поля своих шляп».

Министром двора был граф Воронцов-Дашков, который занимал этот пост в течение всего царствования императора Александра III. Когда император Александр III вступил на престол, то Воронцов-Дашков несколько месяцев был начальником охраны его величества*, а затем его заменил Черевин, о котором я уже имел случай говорить; тогда Воронцов-Дашков сделался министром двора вместо графа Адлерберга (который был министром двора при императоре Александре II).

Адлерберг был человек чрезвычайно умный, талантливый, весьма культурный; он был другом императора Александра II и имел на него большое влияние. Но Адлерберг был постоянно запутан денежно, т. е. он проживал всегда больше того, что имел. В молодости он делал долги, и ходили слухи о его различных денежных некорректностях, хотя слухи эти после его смерти не подтвердились, так как он не оставил после себя никакого состояния. Просто в денежном отношении он был несколько «жуир».

Император Александр III вообще был настроен против Адлерберга, отчасти вероятно потому, что, когда Александр III был еще наследником-цесаревичем, Адлерберг был к нему недостаточно внимателен; затем потому, что Адлерберг имел репутацию человека, не вполне корректного в денежном отношении, и, может быть, потому, что Адлерберг, как ходили слухи, играл роль в той связи, которую имел император Александр II с княжной Долгорукой, будущей его морганатической женой — княгиней Юрьевской. Все это настроило Александра III против Адлерберга. Поэтому, когда император Александр III вступил на престол, то в самом непродолжительном времени

* Это был особый пост, созданный в то время.

Graf Sergej Juljewitsch Witte

Erinnerungen Moskau 1993

Verf.: Burre

Seite: 117

Drenteln setzte sich mit seinem Adjutanten Trepov in den Wagen und fuhr zu Rennenkampff. (Trepov war der älteste Sohn des ehemaligen zur Zeit Alexanders zweitmächtigsten Stabshauptmannes von Petersburg und der älteste Bruder von General Trepov, dem bekannten Palastkommandanten, der gewissermaßen Diktator Rußlands in den Jahren von 1904 bis 1905 war. Zurzeit ist der ehemalige Adjutant Trepov der Stadthauptmann von Kiev.)

Als Drenteln vorsprach, sagte man ihm, daß **Rennenkampff** sich in seinem Amtszimmer befinde. Drenteln ging sofort zu Rennenkampff ins Zimmer, sein Adjutant Trepov verblieb aber im Nebenzimmer. Zur gleichen Zeit hielt sich auch Professor Subbotin im Nebenzimmer (Professor der Kriminalmedizin) auf. Subbotin war ein Mann, mit mäßigem Verstand und bildete sich auch nichts Besonderes ein. Während sich Drenteln beim Rektor aufhielt, äußerte sich Subbotin in abfälliger Weise über Drenteln. Trepov war darüber wütend und es fiel ihm nichts anderes ein, als Subbotin eine Ohrfeige zu versetzen.

Seite: 204

Der Hauptleiter der Kanzlei seiner Majestät war **Konstantin Karlowitsch Rennenkampff**, später ist dieser von Alexander Sergejewitsch Tanlev abgelöst worden, der auch jetzt noch der Hauptleiter der Kanzlei ist. A.S. Tanlev hatte Rennenkampff zunächst vertreten, weil sein Vater vor Rennenkampff der Hauptleiter der Kanzlei seiner Majestät gewesen war, Rennenkampff war damals sein Gehilfe; also bekam Tanlev dieses Amt übertragen. Den Vater von Tanlev kannte ich nicht. Es wurde mir berichtet, dass er ein kluger und tüchtiger Mann gewesen sei, was man aber nicht über seinen Sohn sagen kann, dessen einzige Würde ist die, dass er Nichts ist.